

ресурсы развития горных регионов: матер. междунар. науч. конф. (10–12 сент. 2009 г., г. Махачкала). Махачкала: ИП Овчинников, 2009. С. 24–26.

Daniyal M. MAGOMEDOV

Researcher, Department of Grammatical Studies,
Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia
m.daniyal@yandex.ru

Dagestan Languages as a Factor of Preservation of National Culture

The most important function of the language is the preserving of the culture and transmitting it from one generation to another. Therefore, language plays a decisive role in the formation of an individual and national character, an ethnic community, a nation. The problem of preserving and developing of the languages and cultures is one of the most essential social and cultural problems in the Republic of Dagestan. To effectively solve this important task, it is necessary to increase the social significance of linguistic and cultural education in society, to educate the younger generation to respect their own and other peoples and cultures.

Keywords: Dagestan languages, national culture, folklore, bilingualism, Russian, urbanization, literary language, standard.

М. А. Гусейнов*

Поэзия Ырчи Казака — выдающееся явление словесной культуры Дагестана

Творчество Ырчи Казака (1830–1879), классика кумыкской, всей дагестанской поэзии, представляется самобытным и оригинальным явлением национальной

* ГУСЕЙНОВ Малик Алиевич, доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия. Электронная почта: malik60@list.ru.

литературы. Вместе со своими выдающимися современниками: аварцем Али-Гаджи из Инхо, даргинцем Омарла Батыраем, лезгином Етимом Эмином и др. он заложил основы литературы светской направленности, в противовес доминировавшей до середины XIX в. духовно-религиозной словесности. Базовая переориентация словесной культуры была обусловлена вхождением Дагестана в состав России. Незаурядный талант, пророческий дар Ыырчи Казака проявились сполна в его этнофилософской лирике, в которой выразились обеспокоенность поэта судьбой родного народа, его будущностью. В остро проблемных, «гражданских» стихах он воспел свободу человеческой личности вне зависимости от вероисповедания, социального статуса и т. д. Поэзия Ыырчи Казака по праву признана гуманитарным сообществом выдающимся памятником литературного, шире — культурного наследия Дагестана.

Ключевые слова: кумыкская литература, дагестанская поэзия, Ыырчи Казак, мотивы, поэтика, наследие, досоветская классика, национальная культура.

Развитие художественной мысли кумыков, народов всего Дагестана досоветского периода характеризуется определенными вехами. Поэтическое наследие Ыырчи Казака, по праву признанного классиком национальной поэзии, родоначальником светского ее направления, вместе с другими дагестанскими классиками — О. Батыраем, Е. Эмином, Махмудом, Али-Гаджи из Инхо и другими, являет собой этапное явление в истории национальной словесности, в котором, как никогда ранее, четко выразились в художественной форме этнонациональные проблемы, актуальные вопросы социальной жизни.

Жизненный путь и творческое наследие классика национальной поэзии становились объектом исследования многих дагестанских критиков и литературоведов: К. Д. Султанова (см.: [9] [10]), Г. Б. Мухановой [8], С. М.-С. Алиева [5], А.-К. Ю. Абдуллатипова (см.: [1] [2]), З. Н. Акавова (см.: [3] [4]), М. А. Гусейнова (см.: [2] [6]), Н. К. Ханмурзаевой [11] и др. В качестве значительного явления, как подчеркнуто в исследовательской литературе, его наследие показательно тем, что классик национальной словесности обусловил переход литературы от доминировавшей прежде религиозной направленности к светской, заложил основы современного кумыкского языка.

Кратко характеризуя жизненный путь поэта, следует отметить, что он родился в селении Муслимаул Темир-Хан-Шурина округа, получил для своего времени хорошее образование, знал ряд тюркских, арабский, персидский языки, был знаком с восточной классикой. Уже в молодые годы проявился его певческий талант, в народе он получил прозвище Ыырчы — Певец. Он привлек внимание правителя одного

из крупных политических образований на территории северо-восточного Кавказа — Шамхальства Тарковского, стал одним из приближенных лиц шамхала Абумуслима.

Близость ко двору шамхала обусловила и горестный факт его биографии. Умыкание девушки из числа прислуги шамхала, приглянувшейся его другу Атабаю, стало причиной ссылки Йырчи Казака в Сибирь на три года (ориентировочно конец 1850-х — начало 1860-х гг.). По возвращении из ссылки поэту не дано было возвратиться в отчее село; он проживал в селе Ботаюрт Хасавюртовского округа. При неизвестных обстоятельствах Йырчи Казак был убит, и тело его не было найдено. Как собственно творчество поэта, так и его загадочная кончина способствовали тому, что он стал поэтом-легендой.

Йырчи Казака был высоко оценен современниками, как незаурядный, талантливый поэт, в том числе известным просветителем, преподавателем Санкт-Петербургского университета М.-Э. Османовым, которым его отдельные стихи были опубликованы в изданной им в 1883 г. «Кумыкско-ногайской хрестоматии».

Поэзия Йырчи Казака характеризуется апелляцией к традициям героико-эпической поэзии, отстаиванием ценности человеческой личности, гуманистической направленностью. Этнонациональные мотивы, гражданский пафос его поэзии были продиктованы событиями личной жизни и общественного характера. Ссылка в Сибирь способствовала активизации национальной самоидентификации поэта, осознанию самобытности родного народа. В то же время вхождение Дагестана в состав Российской империи, развитие торгового капитала и т.д. способствовали трансформации привычной сословной структуры общества, ниспровержению традиционных национальных институтов власти — шамхальства, княжеств-бийлик, воспринимались им как критические явления в жизни родного народа, Дагестана.

Поэзия Йырчи Казака, приходящаяся на переломный этап истории кумыков, Дагестана, показательна тем, что в ней весома дидактическая лирика. В стихах «Дружи с батыром» («Батыр булан къурдаш бол»), «Мужчиной быть — не значит им назваться» («Эренлер деген булан эр болмас»), «Вдоль сосен вязы длинной чередой...» («Къарагъайлар бою къакъ элме...») и др., признанных шедеврами национальной словесности, автор апеллирует к образу героя — истинного мужчины, батыра, джигита — человека мужественного, решительно, справедливого. Отливая в чеканные поэтические формулы наци-

ональные нравственные парадигмы, призывая следовать им, Ыырчи Казак ратует за личность, которая будет отстаивать свои личные честь и достоинство, помня и отстаивая одновременно свое национальное достоинство.

В стихотворении «Вдоль сосен вяза длинной чередой...» Ыырчи Казак звучит мотив самопожертвования во имя друзей, близких:

*В дни, когда окружены [твои соратники], казак мой,
Оставив друга, не возвращайся живым [домой].*

*Къамалышгъан гюнлерде, къазагъым,
Достунг къоюп, сав гелме [7, с. 36].*

Поэт уверен:

*Если по молодости лет тебе придется вступить в битву,
То не прячься, стремясь сохранить свою жизнь.*

*Язиде сагъа яв етсе,
Жанынга себеп излеп яшынма [7, с. 36].*

Наряду с мотивом самопожертвования, звучат и мотивы страдания к врагу: «Если увидишь окруженного [врага], не будь [горделивым], как князь» — «Къамалгъанлар гёрсенг бий болма».

В стихотворении «Мужчиной быть...» поэт высказывает мысль о том, что не все мужчины являются таковыми на самом деле, отмечая, что в современном мире извечные ценности несколько трансформировались, что в жизни преуспевают гордецы («обктемлер»), неправедные («яманлар»). Гордецы живут, считая своих ровесников («тенглилерин») ниже себя, но есть иные мужи, которых значительно больше, которые готовы за свою ровню, если надо, считает автор, пожертвовать жизнью («сизден жаным къурбан деп»). Поэт наставляет избегать общества малодушных («осаллар»), склонных к пустопорожней болтовне («осаллар согъуп сёйлер молуна»).

Вместе с героическими характеристиками, автором уделяется должное внимание и темам, проходящим красной нитью в данном пласте лирики. В назиданиях поэт касается и того, что не следует высказываться в ответ сквернословам («яманлагъа гёре сёйлеме»),

не делиться с кем-либо сокровенным («къапгъын ишинг сэйлешме»), считая того другом, либо родней. Как в содержании, так и в стилистике, языке, строфике данных произведений проявляется апелляция к кумыкским героическим традициям, традиционным нравственным ценностям, в том числе национальной героико-эпической поэзии.

Притом это характерно не только для названных стихов, но и всего его творчества, о чем наглядно свидетельствует, например, частотность употребляемой лексики: слов «савут» («оружие»), «аргумак» («конь»), «окъ» («стрела») и т.д. В них с целью характеристики мужчины берется крайняя ситуация — если вдруг разразится война, битва. Идеальный мужчина, в трактовке Ырчи Казака, — это, прежде всего, воин, который должен быть готов отстоять с оружием в руках свою честь, достоинство, честь близких, родни, друзей. В бою мужчина должен быть героем (заметим, что его определения, назидания касаются не избранных, не единиц, а всех мужчин — истинных, настоящих, по его мнению, об этом свидетельствует отчасти то, что у Казака редко фигурирует слово «игит» («джигит») — «герой»). И тут же дается как бы другой план — бытовой, повседневный. В бою мужчина — герой, а в обычной, мирной жизни, в противовес этому, он должен быть терпелив, не говорить ничего необдуманно, общаться с родней и т.д. Казак словно сопрягает эти два аспекта: войну и мир, утверждая при этом, что тот, кто ведет себя в бою по-геройски, в повседневной жизни не будет горяч, будет искать дружбы с близкими и т.д. Посредством первого аспекта усиливается действенность второго.

Несколько отступая от линии исследования, можно предположить, что нашедшие выражение в данных произведениях назидания имели не обобщенный характер, как может показаться сегодня, а были продиктованы жизненными ситуациями, которые наблюдал Казак. Период жизни и деятельности поэта отмечен событиями Кавказской войны с царским самодержавием. В этой войне, длившейся около тридцати лет, которая по сути дела была партизанской, участвовали и кумыки. Они, периодически участвуя в боях, возвращались в родные, мирные села, затем вновь вставали в ряды повстанцев. Возможно, резкая смена ситуаций — военных на мирные — способствовала порой неадекватному поведению мужчин в повседневной мирной жизни, что, в свою очередь, нашло отражение в ряде его дидактических произведений.

Однако что бы ни послужило толчком, Ырчи Казак своими стихами, по существу, воспеваает воина-батыра, апеллирует к героическому прошлому родного народа, утверждает традиционные нравственные ценности. Показательно в данном случае и то, что термин «казак» в стихах употребляется в первоначальном значении. Как известно, казаками называли у кумыков лиц вольных, живущих сами по себе, не подпадавших под власть князей-биев, живших обычно в приграничных с инородцами территориях. Значение термина в последующем эволюционировало, сужалось и стало означать «работник, слуга».

В этой связи нельзя, на наш взгляд, оставить без комментария суждения, бытующие в исследовательской литературе: что-де слово «казак» означает «слуга», и Ырчи Казак был слугой, служил своему народу. Недоразумение в этом случае определяется тем, что сам поэт вкладывал в это слово совершенно иное значение: отнюдь не слуга, а воин, идеальный мужчина, готовый постоять за себя и своих близких. Само обращение «Казагъым» — «Казак мой» (в приведенном выше отрывке из стихотворения «Вдоль сосен...») — это и есть обращение к мужчине-батыру. В подтверждение можно привести и цитату из стихотворения «Мы хотим, чтобы в мире все стало иным», где трусам, проявляющим малодушие в бою, противопоставляется «къ-азакъ эр» («казак-мужчина»), всегда готовый к битве. В связи с этим представляется, учитывая предположения о том, что не только слово «Ырчи», но и «Казак» является в имени поэта псевдонимом (С. М.-С. Алиев), что классик национальной поэзии оправдал соответствие своего имени первоначальному значению этого слова («къ-азакъ эр») как своим творчеством, так и личной судьбой.

Одним из значимых пластов наследия Ырчи Казака является произведения «сибирского» цикла. Будучи сослан в далекий край, поэт писал на родину поэтические послания, адресованные родне, друзьям. В данных произведениях, как и в его эпистолярной лирике в целом, четко высвечиваются его раздумья о своей горестной судьбе, судьбе своей малой родины Кумыкии.

Следует заметить, что Ырчи Казак, будучи сослан на каторгу, оказался в совершенно иной, непривычной среде. Во-первых, он оказался в заключении, во-вторых, вдали от отчих мест, в иной языковой среде, и, что более всего важно, в чуждой духовной среде, в которой

не было возможности, как свидетельствует поэт, исполнять обязательные для мусульман религиозные предписания.

В «сибирских» стихах Ыырчи Казака, в состав которых входят «Братья по вере, молитесь за нас» («Жан агъалар, сизге дуа аманат»), «Мы попали в железный капкан» («Тюшдюк темир тузакъгъа»), «Мы уходили в осень, зеленую как марал» («Гетгенибиз гёкша марал гюз эди») и другие, наглядно демонстрируется иерархическая структура кумыкского общества, создается поэтический образ родины Кумыкии.

Душевно надломленный на каторге Ыырчи Казак проникновенно пишет о своих страданиях, задевая читателя за живое, остро критикует местную знать, не сумевшую оградить его от сибирского плена. Резонно звучат после пережитых им каторжных страданий мотивы смерти:

*Никакого сожаления у меня по миру (земной жизни)
не осталось,
Не плачьте по мне после моей смерти.*

*Дюнъяда гъеч гъёкюнчюм къалмады,
Йыламагъызы магъа энни овльген сонг [7, с. 72].*

В тяжелые минуты душевного дискомфорта Ыырчи Казак высказывает сомнения, изрекает сентенции полные отчаяния и в адрес Всевышнего: «Создатель мой коль шлет весну, не посылает лета» («Яратгъаным язбаш берсе, яй бермей», с. 68), — сетует он на дефицит ясных, солнечных дней на каторге; лелеющий мечту о возвращении домой сокрушительно характеризует и свою родину:

*Создатель мой, если пожелает, вернет нас
В Кумыкию, где уздени превратились в рабов.*

*Яратгъаным сюйсе бизин къайтарыр
Овзденлери къулгъа дёнген Къумукъгъа [7, с. 50].*

Ыырчи Казак порой дает не всегда лицеприятные оценки знатным сословиям, биям, шамхалу, словно намекая на то, какими они должны были бы являться на самом деле. Забегая вперед, хочется

заметить, что эти, нам думается, примеры способствуют верной интерпретации не только «сибирских» стихов, но и всей поэзии Ыырчи Казака.

Так, сосланный в Сибирь Ыырчи Казак причину этого видит во власти имущих родного края. При этом он сетует:

*Коль ханы, связав нас, отдали [в руки царских властей],
То, кто же теперь будет нас защищать.*

*Ханларыбыз бизин байлап берген сонг,
Энни бизин ким болажакъ яныбыз [7, с. 54].*

Поэт убежден:

*Если бии не посочувствуют [в беде] друзьям, родне,
То таким несчастным, как мы, не будет лучшей доли.*

*Дос-къардашгъа бийлер языкъсынмаса,
Биздей болгъан насипсизге эп де ёкъ [7, с. 56].*

Ыырчи Казак разочарован тем, что шамхал Абумуслим ополчился на него («шамландынг»), княжна Райганат не сдержала данного ему слова поддержать его, да и вообще «знатные люди отвернулись от узденей» («атолулар оьзденлерин ташлагъан»; термин уздень в научной литературе трактуется как вольный, независимый крестьянин). В стихотворении «Откуда мне знать ханов с их сотней пороков» («Не билейим юз дынкъы бар ханланы») автор резонно указывает на то, как должны бы были относиться к своим подданным знатные люди:

*Разве благородные ханы с ясным, словно луна, лицом
Не разговаривают улыбаясь, как солнце?!*

*Асил ханлар айдай бетин балкъытып,
Гюнлер йимик кюлеп сёзюн айтмаймы?! [7, с. 126]*

Подобные оценки знатных сословий в «сибирских» стихах можно объяснить тяжелым психологическим состоянием поэта.

Прежде всего Казак обращает внимание на то, что местная власть не может защитить своего подданного, тем самым информируя читателя о наблюдающемся кризисе во властных структурах Кумыкии, что, естественно, вызывает его обеспокоенность. И это не случайно.

В этой связи следует сказать о том, что отношения в обществе, в Кумыкии регламентировались нормами нравственности, этики, национальным моральным кодексом, на основе которых были выработаны четкие нормы обычного права — кумыкские адаты. Наряду с ними в последующем, с укреплением позиций ислама, часть проблем стала решаться согласно шариату. Однако ведущую роль в регулировке социальных отношений в годы жизни Йырчи Казака играли адаты, согласно которым бий (князь), тем более шамхал, должен был оказать помощь обратившемуся к нему своему подданному. Более того, если бию не удавалось отстоять своего подданного в моменты конфликтов, то народ пренебрежительно относился к нему, не оказывая впредь должного ему почета. Согласно национальным адатам, ситуация, в которой оказался Йырчи Казак (когда его судьбу решал не князь, не местный правитель, а кто-то другой), свидетельствовала не в пользу правителей, знати Кумыкии.

Эпистолярная лирика Йырчи Казака показательна тем, что раздумья в ней обретают философский характер. Четко выразившиеся в ней константы национального сознания, этноментальная социофилософия служат подтверждением высокого уровня, достигнутого поэтической, шире словесной культурой благодаря его творчеству.

Поэзия Йырчи Казака являет собой этапное явление в истории национальной литературы, в которой как никогда ранее четко выразились этнонациональные проблемы кумыков, всего Дагестана. Именно в его творчестве впервые акцентируется на проблемах национальной идентичности, впервые конкретизируется образ родины — Кумыкии. Йырчи Казак, будучи выразителем дум и чаяний родного народа, предстает не только гениальным поэтом, но и выдающимся мыслителем, глубоко осознавшим суть эпохальных событий своего времени.

Йырчи Казак, являясь признанным мастером слова, известной, почитаемой личностью, базируясь на традиционных нравственных ценностях, своим творчеством звал народ к прогрессу. По существу, он раздвинул горизонты узко этнического, религиозного сознания, воспел свободу человеческой личности, вне его социального статуса, вероисповедания. В последующем эти аспекты его поэзии были про-

должны и развиты кумыкскими, дагестанскими авторами: О. Батыраем, Е. Эмином, Махмудом, М.-Э. Османовым, Н. Батырмурзаевым и др. Наследие Ыырчи Казака и его последователей способствовало обновлению шкалы культурных ценностей, в которой гармонируют такие понятия, как национальная идентичность, межнациональное согласие, свобода и права человеческой личности.

Использованная литература:

1. Абдуллатипов А.-К. Ю. История кумыкской литературы (до 1917 г.). Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 1995.
2. Абдуллатипов А.-К. Ю., Гусейнов М. А., Шабаева Л. А.-К. История кумыкской литературы. Т. 1: Литература досоветского периода. Махачкала: Ин-т языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН, 2015.
3. Акавов З. Н. Они были первыми (Биринчилер). Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1981. (На кумыкском яз.).
4. Акавов З. Н. Диалог времен. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1996.
5. Алиев С. М.-С. Дорога в современность. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1977.
6. Гусейнов М. А. Национальная литература кумыков (вторая половина XIX — начало XX в.). Махачкала: Ин-т языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН, 2012.
7. Ыырчи Казак. Лирика. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1988.
8. Мусаханова Г. Б. Очерки кумыкской дореволюционной литературы. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1959.
9. Султанов К. Д. Поэты Дагестана. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1959.
10. Султанов К. Д. Литература кумыков (Къумукъланы адабияты). Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1964. (На кумыкском яз.).
11. Ханмурзаева Н. К. Ыырчи Казак и современная кумыкская поэзия. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1997.

Malik A. GUSEYNOV

Dr. Sci. (Literature of People of the Russian Federation),
Herd, Department of Literature, Institute of Language, Literature
and Art, Dagestan Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia

Poetry by Jyrki Cossack as a Remarkable Phenomenon of Verbal Culture of Dagestan

Creativity of Jyrki Cossack (1830–1879), classic Kumyk, Dagestani all poetry, is distinctive and original phenomenon in the national literature. Along with his distinguished contemporaries: Avar Ali Haji from inkho, Marla Butyrum Dargin, Lezgi Etymon Emin and others, he laid the foundations of literature of a secular orientation, in contrast to the dominant until the mid-nineteenth century spiritual and religious literature. The basic reorientation of verbal culture was due to the entry of Dagestan into Russia. Exceptional talent, the gift of prophecy Jyrki Cossack manifested fully in his ethnophilosophy lyrics, which expressed the concern of the poet with the fate of the native people, its future. In acutely problematic, the “civilian” poems he glorified the freedom of the human person regardless of religion, social status, etc. Poetry Jyrki Cossack is rightly recognized as a humanitarian community of an outstanding monument of the literary and wider cultural heritage of Dagestan.

Keywords: Kumyk literature, Dagestan poetry, Jyrki Cossack, motives, poetics, the legacy of pre-Soviet classics and national culture.

Ф. О. Мамчуева*

Переводы Муссы Батчаева: художественные особенности

В статье предпринята попытка исследования переводческой деятельности поэта, прозаика, фольклориста и драматурга Муссы Хаджи-Кишиевича Батчаева. Изучение художественного наследия М. Батчаева с позиции восприятия его как переводчика показывает многогранную личность мастера. Среди его переводов с русского на карачаевский язык — драма испанского драматурга Лопе де Вега «Изобретательная влюбленная», комедия русского драматурга А. Н. Островского «Невольницы» и драма киргизского драматурга Мара Байджиева «Дуэль». Принципы переводче-

* МАМЧУЕВА Фатима Османовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник карачаево-балкарского отдела Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, Черкесск, Россия. Электронная почта: Fatima_M73@mail.ru